

References

1. Russkaya sluzhba novostej // URL: <http://rusnovosti.ru/posts/363596> 11.02.2015
2. Mukomel V. Migracionnye processy v Rossii 1985-2015 URL: <http://last30.ru/issue/migration/research/>
3. Intervyu rukovoditelya FMS Rossii Konstantina Romodanovskogo ia «TASS» 18.03.2015. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?id=122978
4. Smena lic migrantov v Rossii: vmesto tadzhikov k nam edut Ukraincy i Moldavane. 07.01.2015 | istochnik: pravda.ru URL: <http://www.pravda.ru/news/districts/07-01-2015/1242933-migrant-0/>
5. Rybakovskij L.L. Demograficheskoe razvitie Rossii v XXI veke URL: <http://rybakovsky.ru/demografiala14.html>
6. Romanova A.P., Topchiev M.S., Sarakaeva E.A. Mezhdokulturye kommunikacii na frontire i vne frontira (sravnitelnyj analiz) // kaspiskij region: ekonomika, politika, kultura, № 3. 2013, s.289-303.
7. Sulyagina Y.O. Integraciya i adaptaciya trudovykh migrantov: strategii, etapy, politika // Socialnaya politika i sociologiya. 2014. № 4. s.22-31.
8. Issledovanie RBK: Kak vymirayut rossijskie goroda. 22.01.2015. URL: RBK: <http://daily.rbc.ru/special/society/22/01/2015/54c0fca9a7947a8f1dc4a7f>
9. Yudina T.N. Adaptacionnye i integracionnye kontrakty: opyt stran immigracii dlya rossii // Sovremennaya Rossiya i mir: alternativny razvitiya. 2014. № 3 s.143.
10. Turner, F.J. The frontier in American history. N. Y. Henry Holt And Company, 1962. 373 p.
11. Ivanova A. A. Gendernye osobennosti demograficheskix processov v astraxanskom regione / Molodoj uchenyj. 2014. №16. s. 159-161.
12. Foucault, M. Of other spaces // Diacritics.-1967.-16. - P. 22-27.
13. Hall E.T. The silent language. New York: Doubleday, 1959
14. Which countries are migrants from? <http://www.bbc.com/news/world-europe-34131911>

ИЗМЕНЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В РЕЗУЛЬТАТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ⁸

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук
Астраханский государственный университет
Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: culture_mar@mail.ru

Переосмысление картины мира – знаковый маркер современной эпохи. Даже традиционные культуры, как правило, наиболее устойчивые к изменениям, сегодня вынуждены менять свои взгляды на окружающий мир. Пространство и Время утрачивают сакральность, а «чужое» практически отождествляется с «другим», становясь просто иным культурным опытом. Однако не все культурные практики могут мирно сосуществовать на одной территории в едином социуме. Разница в ценностных представлениях создает очаги напряженности. Суть происходящего заключается в необходимости изменения способа мышления в глобальном аспекте, предполагая признание культурного разнообразия неотъемлемой частью современного глобального процесса. Встает вопрос о необходимости поиска более широких форм самоидентификации. Но именно на этом пути возникают большие сложности в силу устойчивых паттернов традиционной картины мира. Трансформация картины мира – процесс обоюдный, затрагивающий и местное население принимающих обществ. Однако, не сумев объяснить феномен современного «нео-чужого» и не найдя действенные механизмы его адаптации, западное общество предлагает вывести его за пределы либеральных ценностей и предоставить самому себе, культивируя его традиционные практики. Таким образом, несмотря на определенные трансформации картины мира, сохраняется примордиалистский подход к культуре, который сводит на нет социальную интеграцию. Теоретический анализ существующих противоречий в картинах мира разных культур выводит на уровень понимания глубинных причин культурной конфронтации и определяет необходимые меры по ее преодолению.

Ключевые слова картина мира, глобализация, миграция, чужой-другой, нео-чужой, социальная интеграция, теоретический анализ

CHANGES IN THE WORLD VIEW AS A RESULT OF MIGRATION PROCESSES OF GLOBALIZATION ERA

Khlysheva Elena V., D.Sc. (Philosophy)
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: culture_mar@mail.ru

⁸ Выполнено при поддержке РГНФ проект № 15-03-00402 «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации». (Supported by RFN project number 15-03-00402 “Alien / other in the changing world: from ontology to epistemology typology”.)

Reconsideration of a world view – a sign marker of modern era. Even traditional cultures, as a rule, the most resistant to changes, are forced to change their views due to globalization processes. Space and Time lose their sacredness, and “the strange” is identified with “the Other”, becoming just “a different cultural experience”. However not all cultural practices can peacefully coexist in one territory in uniform society. The difference in valuable representations creates the intensity centers. The essence of the events consists in the necessity “to change the way of thinking in global aspect that presupposes to recognize this “stranger” as other, but equal”. There is a need of search wider forms of self-identification. But on this way there are large difficulties owing to steady patterns of traditional world view. Transformation of the world view is a mutual process that also involves native population of the host societies. The phenomenon of «neostranger» escapes understanding, so the Western society proposes to separate it, bring it out of the framework of liberal values and leave it to its own devices, cultivating its traditional practices. Hence, despite specific transformation of the worldview, traditional societies remain primordial approach to culture which nullifies social integration. The theoretical analysis of the existing contradictions in worldviews of different cultures brings to the level of understanding of the deep reasons of cultural confrontation and defines necessary measures for its overcoming.

Keywords world view, globalization, immigration, “stranger”, “other”, «neostranger», social integration, theoretical analysis

Кардинальные изменения в социокультурной картине мира, связанные с процессами глобализации, возрастающими миграционными потоками, несущими свои культурные паттерны принимающим странам и, соответственно, возрастающая сложность ассимиляционных тенденций, постоянные изменения в социально-политической жизни, локальные войны на этноконфессиональной почве, постмодернистские тенденции осмысления действительности неизбежно ведут к переосмыслению картины мира. Четко обозначилась установка на презумпцию разрушения традиционных представлений о структуре как стабильно определенной, предлагающая радикальную альтернативу замкнутым и статичным линейным структурам с жесткой осевой ориентацией.

«Картиной мира» называется сложившаяся на конкретном этапе развития человечества совокупность представлений об окружающей действительности, способах ее функционирования и развития. Картина мира представляет собой систему интуитивных представлений о реальности. Вероятно, можно говорить о существовании универсальной картины мира, свойственной всему человечеству, но очень условно. Все народы стремятся к счастью, любви, у всех есть представление о добре и зле, о нормах и ценностях, но у каждого народа эти категории будут различными.

Картина мира не статична, она изменяется по мере развития общества. Наиболее устойчива к изменениям картина мира традиционных культур, однако под влиянием глобализационных процессов вынуждена трансформироваться и она.

Единство человеческой культуры сочетается с множественностью ее локальных проявлений, поэтому условием выживания в современном мире становится принятие данного разнообразия. Однако отношение к чужой культуре связано с установившейся в конкретном обществе картиной мира, поэтому оппозиция «свой-чужие» имеет в каждом отдельном случае свое конкретное наполнение. Под Чужим обычно понимаются представители других этнических групп, чей образ жизни кардинально не совпадает с традициями и образом жизни основных этнических групп региона. Появление Чужого (этнического, экономического или политического) в относительно гомогенном пространстве создает различные точки бифуркаций, которые могут в конечном итоге стать неуправляемыми.

И если ранее культурная разность была преимущественно «внешним фактом», либо фактом временных контактов, то в современном обществе культурная разность превращается во внутреннюю проблему. Основным вызовом такого общества становится обеспечение культурной коммуникации, чтобы жить «в культурном водовороте, где каждый способен воспринимать изменение, видеть «фрагментирование» своей культуры в другой» [2, с. 179]. Однако при этом все-таки именно «своя» культура, как правило, прочно служит критерием, точкой отсчета на шкале развития по сравнению с «другими».

Предполагается, что собственная культура и образ жизни являются более совершенными, чем все остальные, которые рассматриваются как «отсталые», «неразвитые». За этим стоит убеждение, что этничность («по умолчанию») означает принадлежность к конкретной культуре, несущей определенные паттерны, противостоящие всем «другим культурам». Иными словами, не могут этнически различные индивиды принадлежать одной культуре. Каждая этническая группа «наделается» своей культурой, а за «культурами» закрепляется определенный этнический носитель, т.е. культура рассматривается как достояние того или иного этноса, хотя в целом носителями особых культур могут выступать и любые социальные группы.

Нельзя сказать, что «смешивание культур» – новая проблема, возникшая в конце XX – начале XXI в. Процессы культурного смешения происходили на протяжении всей истории, а

Чужой становится своеобразным конструктом, необходимым для самоидентификации. В то же время граница между своими и чужими подвижна и на этом «гетерогонном пограничье» предопределены прямые контакты нескольких культур, что приводит к изменению как этой границы, так и критериев самоидентификации культур. Особую трудность и в то же время эволюционную возможность представляют контакты культур разного уровня цивилизованного развития.

Характерной особенностью иммиграции последних десятилетий является резкое изменение этнического состава иммигрантов: основным «поставщиком» мигрантов становятся развивающиеся страны, которые в своем большинстве являются носителями иных культурных традиций, стереотипов, моделей поведения. Запад по привычке, установившейся еще в период господства колониальной системы, продолжает рассматривать «чужие» общества лишь как традиционные, которые в результате культурного контакта должны приспособиться к постиндустриальному обществу в силу преимуществ последнего. Прибывающие из стран Азии, Африки, Латинской Америки иммигранты придерживаются иного мнения, что приводит к столкновению культурные миры, разнящиеся по своему цивилизационному уровню развития.

По сути, сталкиваются принципиально разные типы культур: традиционная и культура постмодерна. Традиционная модель мира выстроена вертикально и четко структурирована, обеспечивая тем самым «стабильное бытие социума. В традиционной культуре нет компромиссов, поэтому и «другое», и «иное» является «чужим», т.е. «принципиально неприемлемым» [7, с. 16]. Это иной мир, «неадаптируемый к собственной системе и, следовательно, определяемый в категориях враждебности и чуждости» [7, с. 18].

В парадигме «постмодерна» мировидение радикально меняется. Знание, Пространство и Время утрачивают сакральность, а «чужое» практически отождествляется с «другим», становясь просто «иным культурным опытом». Здесь главным становится обеспечение наибольшего пространства для межкультурного и межэтнического диалога. Однако диалог-то и не состоялся, так как ценности либерализма принципиально неприемлемы для всех традиционных систем.

«Чужой» эпохи глобализации явился «извне», ему чужды нормы и идеалы принимающей страны. Он не стремится вписаться в социум, противопоставляя свою культуру культуре «новой родины». Как правило, «иной» и «другой», хотя и были иноверцами, представителями иной культуры, все-таки пытались адаптироваться в социум, составив с ним одно целое. Сегодня наблюдается обратное: Чужой приходит и остается, живя по своим правилам и законам.

Нуждаясь в рабочей силе, принимающее общество старалось показать свое расположение к иммигрантам, как новым гражданам и изменить, приспособить свои институты к включению их идентичностей и социокультурных практик. Однако способность иммигрантов к адаптации определяется не только создаваемыми государством условиями, но и готовностью самих переселенцев интегрироваться в это общество, а вот этого как раз и не наблюдается.

Трудности процесса адаптации нагляднее всего проявляются в повседневной сфере, так как любая культура, прежде всего, представляет собой определенные структуры повседневности: специфические навыки, умения, характерные модели поведения и взаимодействий. В одних культурах более всего ценится индивидуализм, самостоятельность, активность, в других – коллективизм, послушание, подчинение. Каждая культура имеет свой язык, который является и средством коммуникации, и важным социальным явлением, и средством мышления индивидов. Не все культурные практики могут мирно сосуществовать на одной территории в едином социуме, создавая тем самым очаги напряженности.

Формирование сплоченного общества сильно затруднено существованием большой дистанции между представителями разных культур: большая часть мигрантов в мировоззренческом, конфессиональном, этнокультурном, лингвистическом отношениях в силу своей картины мира сильно отличается от местного населения, и преодолеть такой барьер за короткий срок невозможно. Именно разница в ценностных представлениях привела к образованию закрытых этнических сообществ, где иммигранты стараются как можно дольше сохранить привычный образ жизни. Даже язык принимающего общества иммигранты знают плохо, а их дети, как правило, вообще его не учат, предпочитая говорить на своем. За иллюзорное сохранение своей картины мира иммигранты расплачиваются исключенностью из культурной жизни общества. Более того, опыт показывает, что невозможно «на чужой почве» [9, р. 150] сохранить свою культуру, она в любом случае деформируется и превращается «в некую версию культуры страны происхождения» [9, р. 152].

Таким образом, сегодняшний иммигрант («чужой») не похож на своего «предшественника», стремящегося во что бы то ни стало стать частью нового социума. На смену этому «Чужому» приходит «Постчужой» эпохи постмодернизма, с ризомным видением мира и раз-

мыйтым мейнстримом. что настоятельно ставит задачу создания новой стратегии межкультурной коммуникации.

Суть происходящего заключается в необходимости «изменения способа мышления в глобальном аспекте, предполагающего признание этого чужого, как иного, но равноправного». Показателем начала такого изменения многие исследователи считают группы мигрантов, обладающих статусом “in-between”, т.е. гибридной идентичностью, возникающей в глобальных потоках. Попадая в другую страну, представители иных культур «вольны перенять его культурные принципы, сохранить собственные или же усвоить некоторые из распространенных на новой родине; но при этом они должны согласиться с нормами, существующими в принимающем обществе. А это требует изменения собственного традиционного видения мира, вплоть до права выбора своей идентичности и права интегрирования (или не интегрирования) в принимающее общество.

В современном мире люди свободно смешиваются с различными культурами, открывают для себя границы. Такая свобода – одно из преимуществ иммигрантского общества, но оно не в состоянии породить сильных и сплоченных ассоциаций, и потому ослабление единства, отсутствие умения и желания действовать сообща в демократическом обществе вызывает массу отрицательных явлений. Этнические группы иммигрантов и «исторические» национальные меньшинства требуют признания своих культур, этничности, особого образа жизни составной частью культуры определенного общества. Такое признание в свою очередь требует от национального большинства трансформации параметров самоидентификации и изменения образа своего общества. Не может человек автоматически причисляться к определенной культурной, религиозной, языковой группе лишь по факту своего рождения. Должны быть более широкие формы самоидентификации. Нельзя также ограничивать свободу выхода из этнической группы. Правда, здесь возникают большие сложности в силу устойчивых паттернов традиционной картины мира, которые побуждают иммигрантов к формированию сообществ именно по этническому признаку, что придает каждой группе четкую этническую маркировку.

Последнее время общество все чаще сталкивается с феноменом «реактивного» мультикультурализма, когда этнические меньшинства активно пропагандируют возврат к своей прежней идентичности. Это проявляется на всех уровнях, но более всего – в повседневной жизни. Следуя принципам политкорректности, можно не обращать внимания на существующее в фундаменталистских мусульманских семьях обращение с женщинами как «гражданами второго сорта»; на договорные браки, при которых невесты (а в определенных культурах и женихи) не могут самостоятельно выбирать себе спутника жизни; на жесткое воспитание слепой покорности женщин в патриархальных семьях; обязательное убийство оскорбившего «родовую честь». Сюда же можно отнести и требования мигрантов в некоторых западных странах узаконить полигамию, что несовместимо с моральными ценностями европейцев и т.д. Однако невозможно долго закрывать глаза на происходящее.

Складывается мнение, что западные государства с их широко понимаемой толерантностью и мечтами о мультикультурализме упустили шансы в обязательном порядке интегрировать иммигрантов в свои общества, а теперь стоят перед практически неразрешимой проблемой, ибо «насилыно нынешних, враждебных демократическому, секулярному государству и обладающих при этом гражданством исламистов на интеграционные курсы не отправишь и из страны не выдворишь» [5, с. 72].

Между тем именно принимающие общества сами во многом способствовали сохранению традиционных ценностей этнокультуры, отставив суверенитет и уникальность каждой культуры, тем самым не давая возможность ее членам изменить свой образ жизни, пусть и «уникальный», но по эволюционным меркам, крайне отсталый. Желание сохранить культурную самобытность всегда способствует консервации многих культурных форм, не соответствующих развитию постиндустриального общества.

Насильственное культивирование определенного образа жизни еще резче обозначило групповые различия, ставшие своеобразным маркером современного пространства крупных городов. Например, в Нью-Йорке практически все магазины техники принадлежат выходцам из Латинской Америки, сувенирные лавки – индусам, рестораны – итальянцам, а роль мелких продавцов выполняют афроамериканцы. Самая заметная этническая группа современной Великобритании – пакистанцы, которые относятся к коренному населению с удивительным высокомерием, активно внося приметы Востока в уклад английских городов. Именно они чаще всего отличаются «грубостью, хамством, неопрятностью и нетолерантностью» [6]. Этническая идентичность становится более важной, чем общенациональные ценности.

Однако трансформация картины мира – процесс обоюдный, затрагивающий и местное население принимающих обществ. Мигранты несут для исконных жителей разрушение их

среды по причине несовпадения ценностей. Чтобы оградить свои обычаи от размывающего влияния европейской культуры, мигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений» [10, р. 192]. Так появляется новый тип «чужого» - «*Неочуждой*», стремящийся возродить этнические и религиозные традиции своей «идеальной прародины» [4, с. 57] для самоутверждения в стране, где фактически отсутствует возможность реализации своих прав.

Феномен «неочуждого» не только не «объясняется», а напротив, еще больше уходит от понимания, поэтому западное общество предлагает отделить, вывести его за пределы либеральных ценностей и предоставить самому себе, культивируя его традиционные практики. Пока действенного механизма инкорпорирования «неочуждого» в общество не существует. Правительство «предпочитает пассивно наблюдать за решением культурных проблем, нежели непосредственно участвовать в их разрешении» [8, р. 158].

Как результат, исследователи заговорили о происходящей переоценке европейских ценностей и процессе исламизации Запада, куда оказались втянуты жители стран либеральной демократии. Ислам превратился в идентификационный маркер. Принадлежность к исламу становится символической границей внутри населения европейских стран. Идентичность еще более политизировалась. Современный исламизм во многих своих проявлениях не может пониматься только как форма религиозности, если под религиозностью понимать веру в Бога; феномен усиления исламизма правильнее интерпретировать в качестве формы политики идентичности.

В сложившейся обстановке массовой миграции беженцев возникают опасения перед «исламизацией» Европы: это страх перед политическим доминированием ислама и опасения культурного свойства: чем больше в Европе будет мусульман, тем выше вероятность вытеснения европейских норм и ценностей и образа жизни неевропейскими, из стран исламского мира. Можно долго спорить об истинных масштабах исламизации Западной Европы, но стоит вникнуть во всю глубину и, как ни странно, будничность процесса. Такую попытку предпринял израильский тележурналист Цви Йехезкели в документальном фильме «Аллах ислам». Интересные эпизоды были сняты в Швеции, Бельгии и Великобритании, где запечатлены мечети, стены которых расписаны призывами к беспощадной войне с неверными; разговор с подростком, который мечтает о джихаде; интервью лидером исламистов в Лондоне, утверждающим, что 11 сентября – это «начало возрождения. После этого теракта все мусульмане в мире вернулись к своим корням и углубились в правильное изучение Корана. Теперь ислам везде! Мы круглые сутки активно работаем для создания всемирного халифата. И мы победим!» [3]. Вот это и есть Неочуждой, хотя в данном случае речь идет уже о четвертом поколении иммигрантов-мусульман, которое безапелляционно говорит «Нет!» западной цивилизации и целенаправленно готовится к джихаду. Это поколение – «часовая бомба, заложенная в Европе» [3]. Их цель – заявить о себе как о будущих хозяевах Европы.

Таким образом, несмотря на определенные трансформации картины мира, сохраняется примордиалистский подход к культуре. Группа мигрантов «естественно» связывается с Чужой культурой и группе в целом приписывается «несуществующая гомогенность» [1, с. 41]. В процессе коммуникации идет ориентация в первую очередь на этнические признаки чужого. Поэтому в определенной мере государственная поддержка потребностей этнических групп и демонстрация этноконфессиональных отличий сводят на нет социальную интеграцию.

Особенности иммиграционной политики порождают нежелательные эффекты в виде этнокультурного расслоения общества, этнизации социальных отношений и политизации повседневных конфликтов, сводя их до конфронтации «своего» и «чужого». Социальные льготы «слабым» часто оборачиваются дискриминацией «сильных», принижением доминирующей культуры, что не может не привести к конфликтам и конфронтации. Так понимание культурного разнообразия трансформировалось из «признания равенства всех культур» в практику сохранения в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, что более напоминает традиционалистскую картину мира, усиливая замкнутость культурных групп и порождая искусственные границы между ними.

Единство не устанавливается по приказу, а формируется из «гражданского воспитания, из обязательств по отношению к общему благу, из национальной истории, из общих ценностей, общего опыта, из традиционных социальных учреждений, из дискуссий об общественных интересах и о том, что требуется от людей, которые живут вместе и сталкиваются с одинаковыми вызовами на одном и том же уголке Земли» [2, с. 267]. Процесс осознания своего места в окружающем пространстве всегда осуществляется через сопоставление ценностей и целей индивида или социальной группы с целями и ценностями иных индивидов, иных социальных и этнических групп, иных культур и вероисповеданий. Этот процесс неоднозначен. Он может сопровождаться усилением в массовом сознании ксенофобии, этнофобии и т.д. как

реакции на встречу с «чужим», что, как правило, связано с ростом неприязни, дискриминации и национализма. В таком контексте представляется необходимым воспитание особого восприятия культурного кода⁹ «чужой» культуры, не худшей и не лучшей, а просто «другой», которую надо понять и принять в целях осуществления мирного диалога.

Список литературы

1. Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002.
2. Вьевьёрка М. Коллективная разность или смешение? // Полиэтнические общества: проблемы культурных различий. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
3. Европейский халифат: четвертое поколение. Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/>
4. Паин Э.А. Конструирование мифов/ Нужны ли иммигранты России российскому обществу. М.: Либеральная миссия, 2006.
5. Померанц Г.С. Размышления о европейском исламе: два взгляда на одну проблему. М, 2006.
6. Радченко Д. Но нет Востока и Запада нет: мультикультурализм в Британии // Международник.Ру, 2006. Режим доступа: <http://www.mezhdunarodnik.ru>
7. Романова А.П., Хлышева Е.В., Якушенков С.Н. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013.
8. Collinson S. Public Policies Towards Immigrant Minorities in Western Europe // Ethnic Diversity and Public Policy. A Comparative Inquiry. Ed. by Young C. London: Palgrave, 1998.
9. Europe-a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective / Ed. by Thranhardt P. Hamburg: Lit, 1992.
10. Hansen M.L. The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, IL: Augustine Historical Society, 1938

References

1. Voronkov V. Mul'tikul'turalizm i dekonstrukcija jetnicheskikh granic/Mul'tikul'turalizm i transformacija postsovetskikh obshhestv / Pod red. V.S. Malahova i V.A. Tishkova. M., 2002.
2. V'ev'jorka M. Kollektivnaja raznost' ili smeshenie?/Polijetnicheskie obshhestva: problemy kul'turnykh razlichij. Sb. statej. M.:Institut vostokovedenija RAN.2004.
3. Evropejskij halifat: chetvertoe pokolenie.URLhttp://rus.ruvr.ru/
4. Pain Je.A. Konstruirovanie mifov/ Nuzhny li immigranty Rossii rossijskomu obshhestvu. M.: Fond «Liberal'naja missija», 2006.
5. Pomeranc G.S. Razmyslenija o evropejskom islame: dva vzgljada na odnu problemu. M, 2006.
6. Radchenko D. No net Vostoka i Zapada net: mul'tikul'turalizm v Britanii//Mezhdunarodnik.Ru, 2006. URL: <http://www.mezhdunarodnik.ru>
7. Romanova A.P., Hlyshheva E.V., Jakushenkov S.N. Chuzhoj i kul'turnaja bezopasnost'. M.: ROSSPJEn, 2013.
8. Collinson S. Public Policies Towards Immigrant Minorities in Western Europe // Ethnic Diversity and Public Policy. A Comparative Inquiry. Ed. by Young S. London: Palgrave, 1998.
9. Europe-a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective / Ed. by Thranhardt P.-Hamburg:Lit,1992.
10. Hansen M.L. The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, IL:Augustine Historical Society, 1938.

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЧУЖОЙ:
ВЕСТИМЕНТАРНЫЕ МАРКЕРЫ СТАРООБРЯДЧЕСТВА¹⁰**

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Канатьева Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: nessy71@mail.ru

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Астраханский государственный университет
Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

⁹ Культурный код – это то, как мы видим мир и понимаем друг друга.

¹⁰ Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 15-03-00402 «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации». (The paper was written with support of RGNF (project No. 15-03-00402 “Alien/Other in a changing world: from ontology to epistemological typology”).)